

Столкновеніе.

Въ это столкновеніе оба врага шли съ одинаковой рѣшимостью. До смерти Максимиліана Иванъ, отправляя въ Вѣну гонца за гонцомъ, упорно держался плана, начертаннаго въ Можайскѣ. Послѣ смерти императора Иванъ выпроводилъ оба посольства, которыя Баторій, для выигрыша времени, отправилъ къ царю одно за другимъ, и рѣзко пресѣкъ переговоры, предъявивъ невозможныя требованія. Заявляя притязанія на Кіевъ послѣ Витебска, какъ навѣрное потомъ онъ потребовалъ бы Варшавы, Иванъ думалъ только, какъ бы воспользоваться преимуществами, достигнутыми уже въ Ливоніи. Въ мартѣ 1578 года царь согласился подписать новое перемиріе на три года. Однако, остановка враждебныхъ дѣйствій, очевидно, не относилась къ территоріи, гдѣ обѣ стороны чувствовали себя дома. Такое, именно, отношеніе было къ Ливоніи и съ той, и другой стороны. Болѣе того—въ русскій текстъ договора Иванъ приказалъ произвольно включить одну статью, которая запрещала полякамъ вмѣшиваться въ Ливонскія дѣла.

Результаты всего этого были таковы, что уже весной того же года произошло столкновеніе изъ-за обладанія Венденомъ. Иванъ отправилъ сюда армію въ 18,000 человекъ. По его мнѣнію, этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы взять верхъ надъ полками Ходкевича и Сапѣги, не столь многочисленными и, какъ мы знаемъ, лишенными до

той поры всего необходимаго. Когда явился новый посолъ отъ Баторія, царь приказалъ ему подождать: «скоро будутъ вѣсти изъ Ливоніи». Вѣсти пришли, и Иванъ узналъ, что кое-что измѣнилось въ Варшавѣ.

Въ началѣ своего царствованія Баторій поторопился отправить въ Стокгольмъ каштеляна Санокскаго Ивана Гербурта, который привезъ ему изъ Швеціи оборонительный и наступательный договоръ въ цѣляхъ захвата Ливоніи.

Теченіе Наровы должно было служить линіей раздѣла между захваченными уже владѣніями и тѣми, которыя будутъ приобрѣтены послѣ этого. Поляки, подъ начальствомъ Андрея Сапѣги, ишведы, подъ командой Боэ, объединились и, заставивъ московскихъ военачальниковъ принять бой въ открытомъ полѣ, лишній разъ доказали свое превосходство въ такихъ сраженіяхъ. Въ этомъ сраженіи пало четыре воеводы, четверо было взято въ плѣнъ, въ русскомъ станѣ было убито 6.000 человекъ, при чемъ пушкари Ивана задушили себя на своихъ пушкахъ. Таково было донесеніе, полученное царемъ. Только его татарская конница подъ начальствомъ Голицына избѣгла этого разгрома. По польскимъ источникамъ, Голицынъ ускорилъ пораженіе, обратившись въ бѣгство. Съ собою онъ увлекъ нѣкоторыхъ знатныхъ своихъ соратниковъ: вмѣстѣ съ нимъ бѣжали старый воинъ, окольный Оедоръ Шереметьевъ и довѣренный царя, дьякъ Щелкаловъ. Послѣ этого не могло болѣе быть и рѣчи ни о перемирьи, ни о переговорахъ. Иванъ отпустилъ польскаго посла Гарабурду, по-своему взявъ съ него реваншъ. Еще по восшествіи на престолъ Баторія онъ отказался называть его братомъ. «А если бы вы захотѣли избрать Ивана Костку», говорилъ онъ полякамъ, «что же и его я долженъ былъ бы величать братомъ?»— Костка былъ простой дворянинъ. «Что такое вашъ трансильванскій князь?» говорилъ онъ также. «Никто до сего времени не слышалъ ни слова объ этомъ княжествѣ». Въ этомъ родѣ Гарабурда услышалъ отъ царя много ѣдкихъ словъ. Въ то время послы царя, Карповъ и Головинъ, были въ Варшавѣ. Баторій ихъ третирировалъ, слѣдуя примѣру Ивана. Согласно протоколу, на ихъ пріемъ Баторій не всталъ и не спросилъ у нихъ вѣстей о ихъ государѣ. Послѣ этого послы объявили, что не могутъ выполнить возложенную на нихъ миссію. Кромѣ того, они видѣли, что страна охвачена воинственнымъ воодушевленіемъ. Собравшійся 19 января 1578 года сеймъ вотировалъ на

2 года экстраординарный налогъ. Доходъ съ него исчисляли въ 800 тысячъ и даже 1,200,000 флориновъ. Конечно, это было немного. Ежегодный расходъ на содержаніе въ Нидерландахъ испанской арміи въ ту же эпоху поднимался до 7,000,000 дукатовъ (Philippson O. cit. p. 200). Однако, Рѣчь Посполитая никогда до сего времени не шла на такія жертвы, и если бы поступления соотвѣтствовали сдѣланнымъ исчисленіямъ, этого было бы достаточно. Однако, эти исчисления не оправдались. Но Баторій сумѣлъ и подчинить своей волѣ сеймъ, и добыть денегъ. Не дѣлая большихъ личныхъ расходовъ, онъ могъ обратить въ военную казну всѣ доходы со своихъ помѣстій. Онъ нашелъ кредитъ за границей, а, получивъ деньги, нашелъ и людей.
